

*Издательство благодарит Элисон Борроумен
за помощь при подготовке книги к изданию.*

Маме. Всегда

Читателям:

Действие романа «Смерть миссис Вестуэй» происходит в современном Брайтоне, однако знакомый с городом читатель заметит несоответствие. Здесь еще стоит Западный пирс. Надеюсь, брайтонцы порадуются возрождению излюбленной городской приметы, пусть лишь вымышленному.

Прилетела к нам сорока.
Значит, будем танцевать.
Две сороки прилетели –
Будем горе горевать.
Если три, родится мальчик.
А четыре — будет дочь.
Пять сорок — уснешь голодным.
Шесть — получишь медный грош.
Ну а семь — узнаешь тайну,
Что несли из рода в род.

29 ноября 1994 года

Опять сороки. Странно, как же я их ненавидела, когда попала сюда. Помню, ехала с вокзала на такси и увидела с аллеи: выстроились рядком в парке, вот как сейчас, и знай себе чистили перышки.

Сегодня две уселись на покрытую бахромой инея ветку тиса, и я вспомнила, как в детстве мама, чтобы не накликать беду, тихонько шептала в таких случаях: «Добрый день, сударыни».

Одеваясь у окна, я считала сорок. Две — плохо, дурное предзнаменование, я содрогнулась. Но нет, на обледеневшем газоне еще. Четыре, пять... шесть... и еще одна прыгает по плитам террасы, склевывая лед, намерзший на столе и стульях. Значит, семь.

Ну а семь — узнаешь тайну,
Что несли из рода в род.

Тайна-то тайна, но несли из рода в род — вряд ли. Придется открыться, и довольно скоро. Выбора нет.

Я почти оделась, когда в кустах рододендрона послышался шорох листьев. Какое-то время трудно было понять, что это, но затем в проломе ветвей появилась лисица. Она неторопливо пересекла усыпанный опавшими листьями газон, и рыжее золото пугающе ярко загорелось на фоне оцепеневших от мороза зимних красок.

В родительском доме лисы на дворе были обычным явлением, но они редко выходили днем, тем более так нагло, как эта: рассекает по просторному газону прямо перед домом. Мне приходилось видеть разодранных кроликов, раскученные мешки с мусором, оставшиеся после лисьей охоты, но подобного хамства я еще не встречала. Наверно, она либо очень смелая, либо в безвыходном положении, коли на глазах у всех шарашит по газону. Присмотревшись к лисице, я решила, что скорее второе: совсем молодая и страшно тощая.

Сначала сороки ее не заметили, но потом та, что прыгала по террасе и, по-видимому, была внимательнее остальных, увидела подкрадывающегося хищника и ракетой взмыла с обледеневшей террасы, громко, отчетливо проигналив тревогу, нарушившую утреннюю тишину. Теперь у лисицы не было ни единого шанса. Остальные птицы по очереди взлетели в воздух, кроме двух на ветке тиса — на безопасном расстоянии от лисы, и та струей расплавленного золота, пригнувшись к земле, рванула по газону обратно, оставив в покое этих двух сорок, которые принялись громко стрекотать, отмечая свою победу.

Две.

*Две сороки прилетели –
Будем горе горевать.*

Не будет этого. Я ни за что, никогда не буду опять горевать никакое горе, несмотря ни на что, несмотря на бурю, которая, знаю, приближается. Сейчас сижу в гостиной, пишу эти строки и слышу ее — свою тайну: она опалает меня изнутри такой пылкой радостью, что кажется, иногда должно просвечивать сквозь кожу.

Я перепису стихок. Две сороки — к радости. К любви. К будущему.

Глава 1

Девушка не столько шла, сколько сопротивлялась ветру, крепко зажав в руке промокший пакет с фиш-энд-чипс, хотя шквальный ветер вырывал его, пытаясь разодрать и разметать содержимое по морскому берегу, к вящей радости чаек.

Переходя через дорогу, девушка стиснула в кармане мятую записку и обернулась на длинный темный тротуар — нет ли кого позади. Но никого не было. Во всяком случае, ничего такого, никаких призрачных фигур она не увидела.

Берег редко бывал столь пустынным. Из открытых чуть не всю ночь баров и клубов на приморскую гальку до самого рассвета сыпались местные и приезжие гуляки. Но в этот промозглый вторник даже самые закаленные не решились выйти на улицу, и сейчас, без пяти десять, набережная была в полном распоряжении

12 Хэл. Единственным признаком жизни на

пирсе служили мерцающие огни, если не считать чаек, которые с криком кружились над темными, беспокойными водами Ла-Манша.

Коротко стриженные черные волосы налипли на лоб, очки запотели, а губы потрескались от соли, на которую богат морской ветер. Но Хэл лишь покрепче зажала пакет под мышкой и свернула с набережной на узкую улицу с высокими белыми домами, где ветер вдруг так внезапно прекратился, что она пошатнулась и чуть не споткнулась. Когда она еще раз повернула к Живописным виллам, дождь, казалось, зарядил даже еще сильнее, хоть ветра больше не было.

Название квартала сильно грешило против правды. Не было тут никаких вилл, лишь обычные, довольно запущенные дома с облупленной от вечно соленого воздуха краской. И живописного ничего — ни тебе вида на море, вообще ни на что. Может, когда-то, когда дома только поставили, отсюда и было видно море. Но с тех пор ближе к морю выросли дома повыше, и какой бы вид ни открывался раньше из окон Живописных вилл, теперь их жильцам приходилось довольствоваться зрелищем кирпичных стен и шиферных крыш, даже Хэл в ее мансардной квартире. Единственное преимущество жизни на самом верху четырехэтажного дома с узкой, шаткой лестницей заключалось в том, что над головой не топали соседи.

Хотя сегодня, похоже, даже соседей не было, причем уже довольно давно, если судить по тому, что из-за завалов рекламных проспектов, скопившихся на полу в подъезде, дверь отказывалась открываться. Пришлось навалиться на нее, наконец та подалась, и Хэл, нырнув из мрака улицы в темноту подъезда, принялась шарить выключатель. Щелчок не дал желаемого результата. То ли предохранитель полетел, то ли лампочка перегорела.

В тусклом, просачивающемся с улицы свете она выбрала из вороха бумаг корреспонденцию, адресованную ей, и начала карабкаться вверх.

На лестнице не было ни одного окна, и после первого же марша стало темно хоть глаз выколи. Но Хэл знала свою лестницу наизусть — от проломленной доски на площадке до отошедшего коврового покрытия на самом верху — и устало поднималась, мечтая лишь об ужине и постели. Хотя есть уже не очень хотелось. Однако фиш-энд-чипс стоили пять с половиной фунтов, а судя по количеству счетов, которые она отобрала из груды почты, это были те самые пять с половиной фунтов, которые она не могла позволить себе отправить в мусорное ведро.

Наверху она вжала голову в плечи, пытаясь уберечь голую шею от капель, падавших с потолка окна, открыла дверь и наконец

Квартирка была маленькая — одна-единственная комната за просторной прихожей, служившей и кухней, и гостиной, и всем прочим. Она тоже была довольно запущена, краска так же отслаивалась, ковер протерся, а деревянные окна, когда ветер дул с моря, кряхтели и дребезжали. Но это был ее дом, всю ее двадцатипятилетнюю жизнь, и как бы она ни устала, ни продрогла, когда переступала порог, сердце всякий раз подпрыгивало — слегка.

В дверях Хэл остановилась, чтобы протереть о коленку, обтянутую потрепанными джинсами, очки с налипшими солеными брызгами, и кинула пакет с едой на кофейный столик.

Было очень холодно. Дрожа, она опустилась на колени перед газовым обогревателем и стала щелкать кнопкой, пока наконец не зажегся огонь. Мало-помалу тепло вернулось в огрубевшие, покрасневшие руки, и Хэл развернула мокрый от дождя бумажный пакет, вдохнув резкий запах уксуса, наполнивший небольшое помещение.

Подцепив деревянной вилкой обмяклый брусочек теплой картошки, она принялась сортировать почту. В одну стопку шла макулатура, в другую — счета. Картошка была соленой, пряной, обтрепанная рыба еще горячеей, но по мере того как росла стопка счетов, в животе усиливалось неприятное ощущение.

Ее беспокоила не столько высота стопки, **15**